

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

П. Г. КАХОВСКИЙ

И. ПОДГОРНЫЙ

П. Г. КАХОВСКИЙ

ЛЕНИЗДАТ • 1965

Петропавловская крепость в Ленинграде — выдающийся памятник русского зодчества — привлекает постоянное внимание и ленинградцев и приезжающих в наш город туристов.

Со времен Петра I и почти до самого Октября крепость являлась политической тюрьмой, куда царское самодержавие прятало лучших сынов России — выдающихся борцов за свободу. В ее казематах томилась А. Н. Радищев, декабристы, революционные народники, Н. Г. Чернышевский, А. М. Горький. О их жизни и революционной деятельности и рассказывается в предлагаемых книжках.

В серии «Узники Петропавловской крепости» в 1965 году выходят: «А. Н. Радищев», «К. Ф. Рылегов», «А. А. Бестужев-Марлинский», «П. Г. Каховский», «С. П. Трубецкой», «Н. Г. Чернышевский», «А. И. Желябов», «А. И. Ульянов», «М. С. Ольминский», «А. С. Шаповалов», «П. Н. Лепешинский», «А. М. Горький».

И. Подгорный
„П. Г. Каховский“

*Редактор С. М. Серпокрял
Технический редактор С. А. Лопаткина
Корректор В. Н. Лыкова*

Сдано в набор 10/III 1965 г. Подписано к печати 28/IV 1965 г.
Формат бумаги 70×92¹/₃₂. Физ. печ. л. 1,12. Усл. печ. л. 1,32
Уч.-изд. л. 1,29. Тираж 50 000 экз. М-40108. Заказ № 439.

Работа объявлена по Б. З. № 73—16

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата,
Фонтанка, 57

Цена 4 коп.

Петр I, вздыбивший коня на краю каменной волны. Солдатские штыки, окружившие памятник. Вполоборота к нам, на первом плане, высокий человек в круглой шляпе, крестьянском армяке, подпоясанном шарфом. Правая рука его вытянута вперед. В ней зажат пистолет.

Только что раздался выстрел. Облако дыма закрыло вороного коня, присевшего на задние ноги, и падающего седока. На плечах всадника генеральские эполеты, через плечо — орденская лента. Это генерал Милорадович.

Так известный русский художник И. Шарлемань изобразил подвиг Петра Каховского. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади выстрелом из пистолета декабрист Петр Григорьевич Каховский смертельно ранил графа Милорадовича, петербургского генерал-губернатора.

Декабрь в том году выдался по-петербургски сырой. Несколько дней стояла оттепель. Но с утра 14-го развиднелось, начало подмораживать. Уже рассвело, когда из узкой

Гороховой (ныне улица Дзержинского) вышел на Сенатскую площадь, известную нам как площадь Декабристов, гвардейский Московский полк.

Солдаты шли с развернутым знаменем. Офицеры, которые привели их, построили полк возле памятника Петру I в боевое каре — четырехугольник. Такое построение позволяло отразить атаку с любой стороны.

То перед фронтом каре, то в рядах солдат расхаживал Петр Григорьевич Каховский в крестьянском армяке, подпоясанный шарфом, за который были заткнуты два заряженных пистолета и кинжал. Таким запомнили его участники восстания.

Сенатскую площадь декабристы избрали местом сбора. Штатские участники восстания и те из офицеров, у которых не было на случай восстания особых поручений, пришли сюда рано утром.

В русской гвардии Московский полк был одним из самых молодых. Сформированный в 1811 году как лейб-гвардии Литовский, он принял боевое крещение на Бородинском поле. В память об этом полк в 1817 году переименовали в Московский. Он участвовал в преследовании отступавшего от Москвы врага, перешел границы русского государства и сражался под Лейпцигом и Бауценом, брал Париж.

С трудом раздвигая окружавшую полк толпу, к выстроившимся на площади солдатам подъехал всадник. Остановившись шагах в десяти от каре, он зычным голосом подал команду: «Смирно!» Гвардейцы хорошо знали

П. Г. Каховский.

графа Милорадовича, героя Отечественной войны 1812 года, не раз водившего их в сражения. Он был в полной генеральской форме, высокую грудь его покрывало десятка два русских и европейских орденов. Но на этот раз солдаты не послушались команды. Генералу пришлось раз пять повторить ее, пока установилась наконец относительная тишина.

— Солдаты! Солдаты! Кто из вас был со мною под Кульмом, Люценом, Бауценом? Говорите!

Милорадович умел говорить с солдатами, хорошо знал их нужды и пользовался у них авторитетом. Он нарочно назвал сражения, в которых участвовал Московский полк. Но ожидаемого отклика не последовало. Ответом генералу было полное молчание. Однако Милорадовича не смутило это. Поднявшись на стременах, он продолжал:

— Никто? Никто не был, никто не слышал? Здесь нет ни одного русского солдата!

Затем последовало обращение к офицерам. И столь же патетическое восклицание в ответ на их молчание. Потом, вытащив из ножен саблю, подаренную ему старшим братом Николая цесаревичем Константином, которого декабристы прочили в цари, он громко прочел на ней надпись: «Другу моему Милорадовичу».

— Милорадович не может быть изменником своему другу и брату своего царя, — продолжал генерал. — Нет тут ни одного офицера, ни одного солдата! Нет, тут мальчишки, буяны, разбойники, мерзавцы, осра-

Убийство П. Каховским генерала Милорадовича.
С рисунка художника И. Шарлеманя.

мившие русский мундир, военную честь, название солдата! Вы пятно России. Что вы затеяли? Что вы сделали?

Назначенный восставшими начальником штаба, Оболенский, видя, что разговор затягивается, решил вмешаться. Горячая речь генерала могла вызвать в сердцах героев двенадцатого года, которые стояли в каре, отклик, заставить их поколебаться. Оболенский, подойдя к Милорадовичу, потребовал:

— Ваше сиятельство, извольте отъехать и оставить в покое солдат, которые выполняют свои обязанности!

— Почему же мне не говорить с солдатами? — раздался в ответ крик генерала.

Оболенский трижды повторил свою просьбу. Милорадович не обращал на его слова никакого внимания. Тогда молодой офицер выхватил у ближайшего солдата ружье и штыком поворотил лошадь генерала. В запальчивости он сделал это так неловко, что задел его ногу. Генерал взмахнул саблей. В этот момент раздался выстрел.

Стрелял Каховский. Вслед за ним дружно дал залп весь фас каре, с которым пытался говорить Милорадович. Испуганная лошадь рванулась, смертельно раненный генерал не удержался в седле.

И второй раз пришлось Каховскому в этот день применить оружие. Эхо гремевших на Сенатской площади выстрелов разнеслось по городу. Достигло оно и Петроградской стороны, где в старинных петровских казармах, раскинувшихся по берегу речки Карповки, готовился к обеду гвардейский гренадер-

ский полк. Гренадеры уже успели присягнуть Николаю. Но это не помешало солдатам поспешить на помощь восставшим товарищам.

Они двинулись двумя колоннами. Первую повел поручик Сутгоф, вторую — поручик Панов. Командир полка Стюрлер попытался задержать солдат в воротах. Ему удалось было отобрать у знаменосца полковое знамя. Но гренадеры снова отбили его и двинулись к Сенатской площади.

Они по льду перешли через Неву, миновали Зимний дворец и, пробившись штыками сквозь строй правительственных войск, появились на площади. Приход их встретило ликующее «ура!». Силы декабристов увеличились.

Особенно обрадовался приходу гренадер Каховский. Это были его «подопечные». Действовавшее в Петербурге Северное общество декабристов поручило ему подготовить к восстанию гренадерский полк. Теперь было ясно, что он успешно справился с заданием. Позже, в письме из Петропавловской крепости, Каховский с полным правом заявит: «Истинно говорю, я одна причина восстания лейб-гренадерского полка».

Не желая смириться со своим поражением, Стюрлер, командир гренадерского полка, и на Сенатской площади продолжал оставаться в рядах солдат. Он то уговаривал их вернуться в казармы, то пытался приказывать или пугать различными карами. Когда ряды гренадер поравнялись с каре Московского полка, Каховский выстрелил вторично. Посланная его рукой пуля смертельно ранила Стюрлера.

Не было трех часов дня, когда солнце скрылось за домами, — в декабре дни короткие, темнеет рано. В наступивших сумерках к рядам восставших приблизился еще один посланец. В переговоры попытался вступить хорошо известный гвардейцам великий князь Михаил Павлович.

— Ссади его, — предложил Иван Пущин Кюхельбекеру, увидя в руках последнего пистолет. Тот поднял оружие, но выстрела не последовало. Осечка спасла князя.

Следственная комиссия спросила Каховского, почему он не стрелял в Михаила Павловича. Уже было поздно, объяснил он, восставшие были окружены и ждать им помощи больше было неоткуда.

Избранный диктатором — главой восстания — Трубецкой так и не появился на площади. «Прибывавшие на площадь войска, не найдя на месте диктатора и не получая заданий, застывали в бездействии... Бездействие породило оцепенение ума, дух упал, ибо тот, кто на этом поприще остановился, уже побежден...» — писал в воспоминаниях Николай Бестужев. Каховский понял это. Стрелять в парламентаря в подобных условиях — значило совершать никому не нужное, не меняющее хода дела, бессмысленное убийство. Делать этого он не хотел.

Совсем стемнело, когда ряды солдат, оцепивших площадь, раздвинулись. Артиллерийской батарее наконец подвезли снаряды. Николай приказал открыть огонь.

Картечь обрушилась на восставших. Ряды декабристов дрогнули, смешались. Сотни лю-

дей были ранены или убиты. Первое открытое восстание против царизма потерпело неудачу.

Каховский не ночевал дома. Когда же на следующее утро зашел к себе на квартиру, там его уже ждал казак. Он отвез Петра Григорьевича в Зимний дворец. После долгого допроса, который вел сам царь, Каховского отправили в Петропавловскую крепость, где заключили в «Секретный дом». Это была самая страшная политическая тюрьма царской России. Ни один узник ее не вышел на волю. Из «Секретного дома» существовали лишь два выхода — на смертную казнь или в далекую ссылку.

2

Петр Григорьевич Каховский родился в 1797 году в Смоленской губернии. Дворянин по происхождению, он не принадлежал к богатым слоям дворянства. После смерти родителей ему с братом досталось тридцать душ крестьян в Смоленском уезде Смоленской губернии. Каховский постоянно испытывал материальные затруднения и обращался за помощью к друзьям, в частности к Рылееву. Сам человек небогатый, Рылеев поддерживал его.

В делах Рылеева случайно сохранилось письмо Каховского, единственное дошедшее до нас из написанных им до ареста: «Сделай милость, Кондратий Федорович, спаси меня,— пишет Каховский.— Я не имею сил более

терпеть неприятностей, которые ежедневно мне встречаются. Оставляя скуку и неудовольствие, я не имею даже чем утолить голод: вот со вторника до сих пор ничего не ел. Мне мучительно говорить с тобой об этом, и тем более, что с некоторых пор я очень вижу твою сухость, одна только ужасная крайность вынуждает меня... Я не имею никаких способов здесь достать, а то ведь не стал бы тебе надоедать собой. Твой Каховский».

Доставшиеся ему тридцать душ — это остатки родового владения Каховских, уничтоженного войной 1812 года. Известно, что там были богатейшая библиотека и хорошо оборудованный физическими и химическими приборами кабинет.

До нас дошли сведения о тайном кружке, который организовал в смоленском имении дядя Петра Григорьевича Александр Каховский, офицер штаба Суворова. Члены кружка изучали просветительную философию предреволюционной Франции, читали Гольбаха, Монтескье, Гельвеция. Они считали первоочередной задачей для России проведение политических преобразований, сильны были среди них республиканские настроения.

Правительство разгромило кружок. За связь с членами кружка был уволен из армии майор Григорий Алексеевич Каховский, отец будущего декабриста.

В этой обстановке проходило детство Каховского. Когда мальчик подрос, его отдали в Московский университетский пансион. Московский университет — колыбель многих декабристов. После реформы 1804 года и вве-

дения нового устава в нем получили широкое распространение публичные лекции, научные диспуты и открытые заседания. Они будили у студентов стремление к самостоятельным наблюдениям и размышлению. Передовую молодежь того времени отличали горячий патриотизм, интерес к отечественной истории и литературе. Она зачитывалась Фонвизиным и Радищевым, с увлечением изучала Вольтера и Руссо.

Студентов волновало настоящее и будущее России. Пример революционной Франции, провозгласившей «свободу, равенство и братство», все больше вызывал у них сомнения в справедливости крепостных порядков. Они все отчетливее выражали недовольство схоластикой официальной науки. Вера в Россию, ее силу, ее мощь, достоинство, любовь к родине — любовь активная, влекущая к действиям, — вот характерные черты лучших представителей молодежи начала XIX века.

Война с Наполеоном застала Петра Каховского в Москве. Накануне вступления в город французов воспитанники пансиона разбежались. Пятнадцатилетний подросток оказался предоставлен сам себе. Отлично владея французским языком, он вскоре нашел друга среди французских офицеров. Они вместе ходили «на добычу». Однажды французу удалось «достать» несколько бутылок с вареньем. Петр взялся откупорить их, но сделал это неловко — палец застрял в горлышке бутылки.

— Как же ты теперь освободишься? — смеялись над ним французские солдаты.

— А вот как! — И, размахнувшись, Петр опустил бутылку на голову ближайшего на-смешника.

За дерзость солдаты поколотили строптиво-го подростка и выгнали его вон.¹

Так уже в юности проявлялся характер Каховского — вспыльчивый, самолюбивый, не-терпимый к несправедливости и обидам. «Пылкая душа», «пылкий характер, готовый на самопожертвование», «решительный и пыл-кий», — отзывались о нем декабристы; «дерз-кий, отчаянный, неистовый», — говорили сле-дователи, которым пришлось вести его дело.

В 1816 году Каховский вступил в гвардей-ский егерский полк юнкером. В русской ар-мии юнкерами назывались унтер-офицеры из дворян, имевшие льготные сроки выслуги на первый офицерский чин.

Несмотря на льготный срок, до офицерско-го чина Каховский так и не дослужился. Че-рез восемь месяцев его разжаловали в рядо-вые и сослали на Кавказ в линейные ба-тальоны. Такие батальоны создавались для охраны границ или укрепленных оборони-тельных линий. Причиной столь сурового на-казания Каховского были вольнодумство, не-желание закрывать глаза на притеснение на-чальства.

В это время на Кавказе усиливалась по-литическая и военная активность царской России. Находившиеся там войска свели в Отдельный Кавказский корпус. Команди-

¹ См.: Н. И. Греч, Записки о моей жизни. Изд. Суворина, 1886.

ром его был назначен видный полководец и дипломат А. Ермолов, герой войны 1812 года, ученик А. Суворова и М. Кутузова.

Генерал Ермолов приходился дальним родственником Александру Каховскому и был близким его другом. Однако доказать причастность генерала к тайному смоленскому кружку Каховского жандармам не удалось. Но Ермолов все же был арестован и некоторое время провел в крепости.

Случайно ли Каховский, разжалованный в рядовые, попал на Кавказ, где войсками командовал его родственник? Сказать трудно. Однако уже в феврале 1817 года, по предписанию командира дивизии, Петра Каховского перевели в 7-й егерский полк, а спустя еще несколько месяцев за отличие по службе снова произвели в юнкера. Через год его опять перевели, на этот раз в Астраханский кирасирский полк, где он получил чин корнета, а затем поручика.

В 1821 году Каховский по состоянию здоровья уволился из армии. Отставной поручик возвратился в свое имение, заложил его смоленскому трактирщику Нольчину и, получив две тысячи триста рублей, отправился в заграничное путешествие, которое продолжалось почти два года.

3

«Будучи в 1823 и 1824 годах за границей, я имел много способов читать и учиться...» — писал Каховский царю из Петропавловской крепости.

Что же он читал? Чему учился?

Его путешествие совпало с периодом нового подъема революционного движения. В Европе зачитывались Сен-Симоном, который говорил о «промышленном» строе, основой которого явятся люди, связанные с трудом, — рабочие и капиталисты. Последователи Сен-Симона провозгласили новое право: «каждому по его способностям, каждой способности по ее делам».

Из печати в то время выходили философские труды Фурье, Гегеля, историков Тьерри, Гизо, Минье, доказывавших прогрессивность и правомерность борьбы с аристократией и королевской властью.

Все это Каховским не могло остаться незамеченным. Подтверждает это исключительно верная оценка, которую он дал современному политическому положению. Петр Григорьевич писал из мрачных казематов Петропавловской крепости:

«Мы свидетели великих происшествий...

Революция Франции, столь благотельно начатая, к несчастью, наконец, превратилась из законной в преступную. Но не народ был сему виною, а пронырливость дворов и политики. Революция Франции сильно потрясла троны Европы и имела на правления и на народный опыт еще большее влияние, чем самое образование Соединенных Штатов. Владычество Наполеона, война 1813—1814 годов, в которую соединились все народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззванием к свободе и гражданскому бытию. Посредством чего собраны несчетные

суммы с граждан, чем руководились войска? Свободу проповедовали нам и манифесты, и воззвания, и приказы! Нас манили — и мы, добрые сердцем, поверили, не щадили ни крови своей, ни имуществ. Наполеон низринут! Бурбоны, призванные на престол Франции, покоряясь обстоятельствам, дали конституцию народу храброму, великодушному! И присягнули ему забыть все прошлое. Монархи соединились в Священный союз; составились конгрессы, возвестили народам, что они съезжаются для совещания об уравнивании классов и водворении политической свободы. Но скоро цель конгрессов открылась, скоро увидали народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали об удержании власти неограниченной, о поддержании расшатававшихся тронов своих, о погублении и последней искры свободы и просвещения. Оскорбленные народы потребовали обещанного, им принадлежащего — и цепи и темницы стали их достоянием!..

...Противно рассудку винить нации перед правительством. Правительство, не согласное с желанием народа, всегда виновно, ибо в здравом смысле закон есть воля народная. Цари не признают сей воли, считают ее буйством, народ — своей вотчиной, стараются разорвать самые священные связи природы...

...Одинокое чувство одушевляет все народы Европы, и сколь не утеснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порох сильнее действует! И пока будут люди, будет и желание свободы». Так писал Каховский.

Священный союз возник после победы над Наполеоном по инициативе трех императоров: русского, австрийского и прусского. «Связанные узами истинного и нерасторжимого братства», императоры обязались оказывать друг другу помощь и поддержку «по всякому случаю и при всяких обстоятельствах».

Случай же не замедлил представиться. В 1820 году в Испании вспыхнуло восстание, которое возглавил полковник Риего. Восставшие требовали восстановить конституцию, отмененную королем. Священный союз направил в Испанию французские войска. Они подавили восстание. Риего был схвачен и казнен.

Написанный испанским композитором Уэрто «Марш Риего» — гимн восставших испанцев — стал с тех пор наиболее популярной песней у революционно настроенной молодежи. События в Испании оказали огромное влияние на передовые круги России. Вдохновенные строки полковнику Риего посвятил Пушкин.

Вслед за испанцами потребовали введения конституции в Неаполитанском королевстве итальянские карбонарии. Священный союз снова вмешался. Австрийские войска подавили неаполитанскую революцию. Искры ее перекинулись на север Италии — в Пьемонт. Австрийские войска и там восстановили абсолютистский режим.

Четыре века терпел греческий народ турецкое иго. В 1822 году национальное собрание приняло конституцию независимого греческого государства. В тяжелой борьбе пришлось

народу Греции отстаивать свое право на свободу.

Священный союз и тут остался верен себе. Он осудил восстание как мятеж против «законного государя». Русский царь заверил турецкого султана в своей готовности предоставить войска для подавления восстания силой. «Это последнее действие, — писал декабрист М. Фонвизин, — возбудило общее негодование».

Во многих странах возникали комитеты филэллинов — друзей борющейся Греции. На помощь мужественным борцам, с оружием в руках поднявшимся на защиту своей независимости, спешили добровольцы из Германии, Франции, Англии и других стран.

4

Находясь в заграничном путешествии, Петр Каховский также решил присоединиться к добровольцам, отправлявшимся в Грецию. Он хотел принять активное участие в борьбе за гуманистические и демократические идеалы, в верности которым воспитывался с детства.

Но прежде чем вступить в ряды повстанцев, он должен был привести в порядок свои дела. Каховский возвратился в Россию. В Смоленске он встретился со своим старым другом Кюхельбекером. Они вместе отправились погостить в имение Пассеков, родственников Каховского.

Там в это время находились приехавшие из Петербурга Салтыковы. Молодые люди

познакомились с Софьей Салтыковой. «Каховский заставлял нас много смеяться, — сообщает девушка в письме¹ своей приятельнице. — Сколько ума, сколько воображения в этой молодой голове! Сколько чувства, какое величие души, какая правдивость! Он очень хорошо образован, хорошо воспитан, знает и читает по-французски, но не любит его в той мере, как русский. Русская литература составляет его отраду: у него редкостная память — я не могу сказать тебе, сколько стихов он продекламировал. Пушкин и «Кавказский пленник» нравятся ему невыразимо. Он знает его лично и декламировал мне много стихов, которые не напечатаны и которые тот сообщил только своим друзьям».

Каховский полюбил Софью. Она ответила ему взаимностью. «Но у него же ничего нет», — испугались ее родители. Материальные соображения оказались решающими. На предложение выдать Софью за него замуж Петр Григорьевич получил отказ. Вслед за тем Салтыковы уехали домой, в Петербург. Поездка в Грецию отложена. Молодой человек спешит в Петербург вслед за любимой.

Лично знавший Пушкина, друг Кюхельбекера, Каховский в Петербурге сблизился с литературными кругами. Он посещал различные собрания и кружки, в том числе заседания Вольного общества любителей российской словесности. Председателем его с 1819 года

¹ Письма Софьи Салтыковой разыскал и впервые опубликовал в 1926 году литературовед Б. Л. Модзалевский в книге «Роман декабриста Каховского».

был Ф. Глинка, земляк и смоленский сосед Каховских, видный организатор декабристского движения.

Многочисленные литературные объединения, возникавшие в Петербурге той поры, декабристы использовали для пропаганды своих идей, вовлечения новых членов в тайные общества и для воспитания «союзников», которые должны были служить «орудием» освободительной борьбы, не будучи сами «посвящены» в члены нелегальных организаций.

Один из параграфов «Зеленой книги» (переплетенного в зеленую обложку устава Союза благоденствия, предшественника декабристских обществ) предусматривал создание «вольных обществ», маскируемых «чисто литературными» интересами. Руководить работой таких обществ должны были негласно члены Союза благоденствия.

Будущие декабристы собирались довольно часто. Делали они это под видом литературных вечеров или просто приятельских встреч. Но литературные споры на таких встречах постоянно вытеснялись разговорами на политические темы. «Нечаянно мы отклонялись от литературы и начинали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство...» — записал в «Дневнике» декабрист Н. Тургенев. А вот что писал другой декабрист — И. Якушин: «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, повсеместное лихоимство, грабитель-

ство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».

В этих разговорах Каховский обратил на себя внимание «образом мыслей совершенно республиканским и готовностью на всякое самопожертвование», — говорил Рылеев.

Позже, уже из Петропавловской крепости, Каховский напишет: «Я за первое благо считал не только жизнью — честью жертвовать пользе моего отечества. Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в самую минуту наслаждения, не все ли равно. Но что может быть слаще, как умереть, принося пользу. Человек, исполненный чистотой, жертвует собой не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории, но творить добро для добра без возмездия. Так думал я, так и поступал. Увлеченный пламенной любовью к родине, страстью к свободе, я не видал преступления для блага общего. Для блага отечества я готов бы был и отца моего принести в жертву. Согрет пламенной любовью к отечеству: одна мысль о пользе оного питает душу мою».

Обычно очень осторожный, Рылеев уже в первые встречи открылся Каховскому. «Согласие в мнениях нас подружило», — говорил Петр Григорьевич. Он стал постоянным посетителем рылеевских «русских завтраков».

Часа в два-три дня к Рылееву, который жил тогда в первом этаже дома Российско-Американской компании, собирались гости — офицеры, литераторы, молодежь, «чтобы отвести душу в дружной семье». Дом этот находится на набережной реки Мойки. Перестроенный, он занят теперь ломбардом.

«Русские завтраки» состояли из неизменно-го графина очищенного русского вина, нескольких кочанов кислой капусты и ржаного хлеба. «Русским надобно русскую пищу», — любил повторять Рылеев.

Каховский подружился с Рылеевым. Они часто встречались, много разговаривали. «Он открыл мне о тайном обществе, принял меня в оное и при самом принятии открыл мне и цель оногo: истребление царствующей фамилии и водворение правления народного. Я с ним во всем был согласен. Он просил меня распространять сведения, стараться усиливать общество надежными и полезными людьми, сказав: «Особливо старайся принимать офицеров гвардии, но будь осторожен в выборе и не открывай цель настоящую, а лишь возбуждай ненависть к правительству и стремление к свободе; до прочего каждый сам дойдет. Рисковать нам много не надо. Мне с тобой скрываться не нужно, ты сам столь же готов, как я, но, пожалуйста, при приеме не открывай членов и береги общество».

И далее Каховский продолжал: «Рылеев мне не сказал ничего нового. Точно, я давно был готов. Он меня не составил — через него я лишь сроднился с обществом».

6

Вспоминая о первых встречах с Каховским, некоторые декабристы говорят о нем, как о человеке угрюмом, малоразговорчивом. Это был «человек чем-то огорченный, одинокий,

мрачный, готовый на отречение, одним словом Каховский», — пишет декабрист Штейнгель.

Не здесь ли корни легенды о неудачно сложившейся личной жизни, одиночестве, известном пренебрежении к своей судьбе, сильно распространенной в литературе о Каховском? Нет, мы уже знаем, что он был совсем другим человеком — живым, веселым, остроумным. Момент вступления его в тайное общество совпал с разрывом с Софьей Салтыковой.

При последнем свидании Каховский предложил Софье бежать с ним в Одессу. Однако ее боязнь огорчить родителей оказалась сильнее, чем любовь к молодому человеку. «В его поступках столько противоречий, что я не знаю, что сделать, чтобы угодить ему», — сообщала она приятельнице. Софья отказала Каховскому. Теперь уже — навсегда.

Каховский остался в Петербурге. Поездка в Грецию отложена: он знал теперь, что и на родине для него найдется дело.

Миновав стадию «убежденных» — своего рода кандидатов, — Каховский стал сразу «согласным» членом тайного Северного общества. Ему поручили «приготовить» лейб-гренадерский полк. Из офицеров полка им были приняты в члены общества семь человек: поручики Сутгоф, Панов, подпоручик Кожевников и другие.

1825 год — период особенно бурного роста общества. В него вступили тридцать пять новых членов, тогда как в 1824 году лишь девять. «В Петербурге все приняты Рылеевым», — показывал на следствии Оболенский,

имея в виду не столько самого Рылеева, сколько его ближайших друзей. Они составляли в обществе наиболее активную группу, практически вынесшую на своих плечах всю подготовку и само восстание 14 декабря.

Энергичный и решительный, Каховский стремился к действию и призывал «хоть с ужасным потоком крови основать народное правление».

— Послушай, Рылеев! Я пришел к тебе сказать, что я решил убить царя. Объяви об этом думе. Пусть она назначит мне срок, — заявил Петр Григорьевич как-то в начале лета 1825 года.

Думой называлась руководящая группа тайного общества. Рылеев был ее членом. Слова Каховского привели его в смятение. Вскочив с софы, на которой лежал, когда к нему вошел Каховский, Рылеев быстро заговорил:

— Что ты, сумасшедший! Ты, верно, хочешь погубить общество!

— Я так решил и намерен все исполнить непременно. За общество можешь не беспокоиться: я никого не выдам.

К вопросу о судьбе царской фамилии и самого царя члены общества в своих разговорах обращались довольно часто. «И у других намерение было все одно и то же — истребить царствующую фамилию и основать правление народное... много о том слушал и говорил», — заявил Каховский на допросе в следственной комиссии.

В тот раз Рылееву удалось отговорить Каховского от его намерения. Но споры на эту

тому продолжались, они привели даже к некоторому охлаждению их дружбы.

Время шло. Члены общества продолжали лишь «толковать, а не распоряжались к действию». Сроки восстания постоянно отодвигались. Находиться в бездействии, ожидая, когда наконец все будет готово, Каховский не мог. «Обстоятельства мои не позволяли мне надолго оставаться в Петербурге; брат мой уехал, и я вслед за ним хотел выехать», — пишет Петр Григорьевич и далее рассказывает, как, встретив Рылеева, он доверительно сообщил ему:

— Собираюсь ехать домой, в Смоленск.

— Почему вдруг? Остайся, ты нужен здесь, — ответил тот.

— Не могу. Не имею денег, чтобы дальше жить в Петербурге, — откровенно признался Петр Григорьевич.

— Как же тебе не стыдно! — возмутился Рылеев. — Зачем ты мне не сказал? Возьми денег у меня, сколько тебе надо. А уезжать нельзя, через тебя ведь замыкается связь с лейб-гренадерским полком.

Каховский остался в Петербурге.

Неожиданная кончина Александра I ускорила события. «По кончине покойного императора общество стало сильнее действовать, я опять соединился с ним, не будучи в силах удержаться не участвовать в деле отечества», — сообщал следственной комиссии Петр Григорьевич.

По закону наследовать царю должен был его младший брат — Константин. Войска в Петербурге уже присягнули ему, когда стало

известно, что он отрекся от престола в пользу своего младшего брата — Николая. Пока братья договаривались, кто из них займет престол, в стране создалась неопределенная обстановка междуцарствия.

— Где же общество, о котором столько рассказывал ты? Где же действователи, которым настала минута показаться? Где они соберутся, что предпримут, где силы их, какие их планы? — с такими вопросами ворвался Николай Бестужев к Рылееву, когда узнал о смерти Александра.

Ответа на них он тогда не получил. Все дни междуцарствия на квартире Рылеева шли собрания, кипели споры, в которых рождался план восстания. Перекрывая другие голоса, громко доказывал Якубович:

— Надобно разбить кабаки, дать солдатам и черни пограбить их. Потом вынести из ближайшей церкви хоругви и идти ко дворцу.

— Крови бояться не должно, — вторил ему Каховский. — А не удастся здесь или во дворце не успеем захватить, то истребить царскую фамилию можно и в Москве. Изменений без крови быть не может.

— Убиение одного императора не только не произведет никакой пользы, но, напротив, может быть пагубно для самой цели общества. Оно разделит умы, составит партии, породит междуусобья. С истреблением всей же фамилии партии должны будут объединиться, — поддерживал их Рылеев.

— Идти к Зимнему дворцу и в ночь до принятия присяги захватить его, — снова

слышался картавый смоленский говорок Каховского.

С ним был не согласен Трубецкой, будущий диктатор — командующий восстанием:

— Вести воинские части, не знающие еще о приказе принимать присягу новому императору, к Зимнему дворцу нельзя. Нужно провести их по городу и вывести полки прочь. Когда все соберутся, послать во дворец парламентаров.

— Дворец должен быть место священное. Что если солдат до него прикоснется? Тут уж его и сам черт ни от чего не удержит, — говорит осторожный Батенков, отставной подполковник, примкнувший к декабристам в дни междуцарствия.

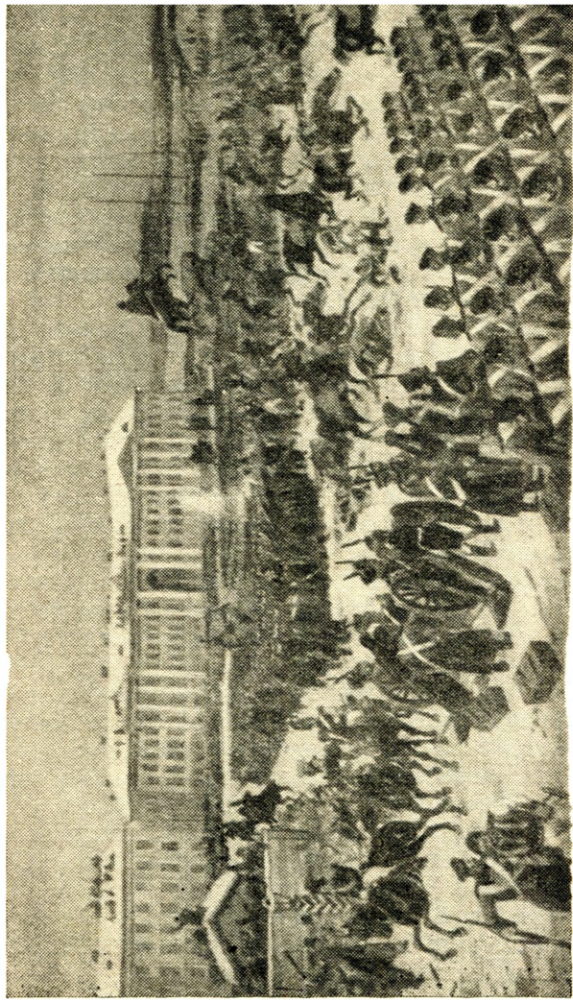
Большинству членов общества Николай был мало известен. И поэтому они сомневались теперь в целесообразности убийства царя. Их точка зрения победила. На следующий день Рылеев встретил Каховского словами:

— Тебе объявлен план общества: захватить царскую фамилию и предоставить решение ее судьбы Великому собору?

— Смотрите, господа, будете раскаиваться! — ответил ему Каховский. Он был не согласен, он негодовал, пытался спорить. С трудом удалось успокоить его.

В борьбе мнений постепенно выработывался план, учитывавший происшедшие в стране изменения. Но тут стало известно, что проникший в ряды декабристов предатель выдал их правительству. Медлить больше нельзя.

— Поведем полки от казармы к казарме, — предлагал теперь Трубецкой.

Восстание декабристов на Сенатской площади.
С картины художника К. И. Кольмина. 1825 г.

— Нет. Лучше соберем на Сенатскую площадь, — возражал Каховский. — Тогда можно будет вынудить сенаторов вместо присяги Николаю подписать «Манифест к русскому народу», который провозгласит свержение царского правительства, отмену крепостного права, дарует политические свободы и созыв Великого собора — учредительного собрания.

— Или ляжем на месте, или принудим сенат подписать конституцию, — продолжал его мысль Александр Бестужев.

Трубецкой согласился с ним. Согласился он и с другим предложением, поддерживаемым Каховским: захватить в ночь на 14 декабря Зимний дворец. Сделать это поручили Якубовичу и Арбузову вместе с солдатами Измайловского полка и гвардейским морским экипажем. Каховский, будучи штатским, принять участие в этой операции не мог — солдаты не подчинились бы ему.

Обсудив, где кому быть и как идти, декабристы поздно ночью разошлись по своим местам, чтобы утром встретиться на Сенатской площади.

Однако Рылеев снова и снова возвращался мыслью к судьбе царя. «Если он не будет схвачен, может вспыхнуть междоусобная война. Чтобы избежать междоусобицы, должно принести его в жертву», — думал он. И в голове его опять всплывало отвергнутое на последнем совещании предложение. Он обратился к Каховскому:

— Я знаю твое самоотвержение. Ты можешь быть полезнее, чем на площади. Открой нам ход, истреби императора,

Когда Александр Бестужев, живший с Рылеевым в одном доме, возвратился из морского экипажа, он застал нескольких членов общества, прощавшихся с Каховским.

— Он дал слово исполнить обещание, — сообщил ему Рылеев.

Это удивило Бестужева. Такой поступок шел вразрез со всеми обсужденными и утвержденными планами. Утром он спросил Каховского:

— Вас Рылеев посылает убить царя?

— Да, но мне не хочется отрываться от друзей.

Готовый убить царя, когда этого требовали интересы дела, Каховский понимал, что на этот раз Рылеев сделал такое предложение от себя лично. Принимая его, Петр Григорьевич ставил себя в исключительное положение: отрывался от остальной массы восставших, выделял себя из них. Необходимость этого вызывала у него большое сомнение. Сомневался и Бестужев. Он посоветовал:

— И не ходите. Это вовсе не нужно.

— Но что скажет Рылеев!

— Я беру это на себя. Будьте со всеми.

Попросив Бестужева извиниться за него перед Рылеевым, Каховский ушел. Он успел побывать в Московском полку, где, уверенный в своих «подопечных», просил:

— Господа, не подведите гренадер!

Затем ездил в гвардейский морской экипаж. По-петербургски поздний серый рассвет застал Петра Григорьевича, вооруженного пистолетами, на Сенатской площади.

Уже вечером 14 декабря начались аресты. Схваченных декабристов везли прямо в Зимний дворец. Николай сам допрашивал их. Он проявил при этом недюжинные способности следователя. На одних старался воздействовать страхом, угрозами, встречал их ругательствами и отправлял в Петропавловскую крепость с записками, в которых требовал «заковать в ручные и ножные железа, поступать... строго и не иначе содержать, как злодея» или «посадить в Алексеевский рavelин под строжайший арест, без всякого сообщения — не мешает усилить наблюдения, чтобы громких разговоров не было между арестантами...»

Перед другими царь прикидывался чуть ли не единомышленником, проявлял необычайную ласковость. Об этом говорили Трубецкой, Николай Бестужев. Так поступил он с Рылеевым, которого распорядился «посадить в Алексеевский рavelин, но не связывая рук, без всякого сообщения с другими, дать ему и бумагу для письма, и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно».

Так держал себя Николай и с Каховским. В долгом разговоре, который они вели, он разыграл человека, заботящегося только о том, чтобы родина избавилась наконец от зол и бедствий. Николай пытался уверить его, что он-то и есть правитель, который воплотит мечты декабристов и облагодетельствует Россию.

Обман удался. На следующий после допроса день Каховский писал царю: «Счастливи

подданный, слышавший от своего монарха: «Я сам есть первый гражданин отечества» Дай бог, чтобы отечество было у нас в совокупности с государем. Я, желающий блага моей милой родине, благославляю судьбу, имея случай излить чувства и мысли мои перед монархом моим, обещающим быть отцом отечества».

В записке, сопровождавшей Петра Григорьевича в Петропавловскую крепость, Николай распорядился: «Присылаемого Каховского посадить в Алексеевский рavelин, дав бумагу, пусть пишет, что хочет, не давая сообщаться».

Как выглядела камера, куда был заключен Каховский, мы можем судить по описаниям ей подобных, сделанных другими узниками. В «Секретном доме» камеры представляли собой комнату шагов восемь в длину и шесть в ширину. Окно в ней закрывала решетка из толстых полос железа. Стекла были сплошь замазаны известью. Против окна дверь в коридор, где ходит часовой. Он обут в мягкие туфли, чтобы неслышно для узника подходить к двери и наблюдать за каждым его движением. В двери для этого прорезано четырехугольное отверстие, закрытое темной занавеской. На деревянной кровати жидкий матрац, покрытый простыней грубого холста, подушка с перьями, серое солдатского сукна одеяло. Возле кровати деревянный стол и табурет.

На таком столе писал Каховский письма царю. Он излагал в них свои взгляды на многие стороны жизни и состояние дел в России.

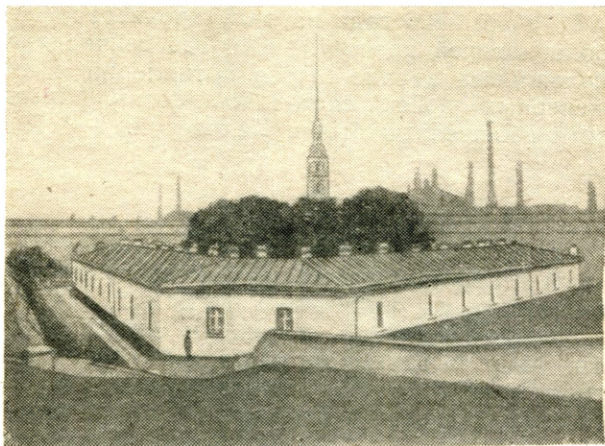
О том, что страна стонет и ропщет под бременем налогов, иногда взыскиваемых даже в двойном размере, о стеснении торговли, вреде казенных монополий, вопиющих недостатках в судопроизводстве, неясности и противоречиях законов, необеспеченности чиновников, вынужденных брать взятки.

Гневно обрушивался он на самодержавие: «Можно ли допустить человеку, нам всем подобному, вертеть по своему произволу участью пятидесяти миллионов людей! Где, укажите мне страну, откройте историю, где, когда были счастливы народы под властью самодержавного закона, без прав, без собственности...»

Интересно, что по окончании следствия Николай приказал составить «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». В него вошли выдержки из показаний декабристов, в том числе большое количество из дела Каховского. По словам председателя Государственного совета князя Кочубея, царь часто просматривал этот свод и черпал из него много дельного.

Однако от самого Каховского Николай ждал другого. Говоря с полной откровенностью о себе, своих взглядах, о недостатках в государстве, Петр Григорьевич очень мало и скупно говорил о самом обществе. «Переговаривать чужие пустые слова, которые были говорены, как говорится всякий вздор, я не могу», — заявил он на очной ставке с Рылеевым.

Неудивительно, что условия, в которых со-

„Секретный дом“ Алексеевского рavelина
Петропавловской крепости.

держался Каховский, вскоре изменились. Уже в феврале его фамилия появилась в списке узников, лишенных права переписки. Есть основания думать, что за все время заключения он не имел не только личных, но даже письменных сношений с кем бы то ни было, кроме царя и его следователей. По свидетельству декабриста Завалишина, Петра Григорьевича в это время держали больного в сырой яме — так арестованные декабристы называли камеры, устроенные в стенах крепости.

Суд признал Петра Григорьевича Каховского одним из главных преступников и вместе с четырьмя руководителями тайных обществ приговорил к смерти.

13 июля 1826 года на валу кронверка Петропавловской крепости, там, где сейчас расположилось здание Музея артиллерии и инженерных войск состоялась казнь. Среди пяти повешенных был и Каховский.

* * *

Так погиб Петр Григорьевич Каховский — ярый ненавистник помещичье-крепостнического деспотизма, пламенный энтузиаст, самоотверженный искатель правды и справедливости, один из самых активных и готовых к решительным действиям членов тайных революционных обществ декабристов. Они не сумели довести начатое дело до конца. Восстание было разгромлено. Но дела, мысли декабристов не забыты. Их подхватили и понесли вперед, на штурм самодержавия и крепостничества следующие поколения русских революционеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов К. Северное общество декабристов. Лен-издат, 1951.
- Модзалевский. Б. Л. Роман декабриста Каховского. Ленгиз, 1926.
- Нечкина М. В. Движение декабристов, в 2-х томах. М., Изд-во Академии наук СССР, 1955.
- Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., Ленгиз, 1926.

4 к.

